

Любовь Данилова

*Каменная
птица
папоротъ*

Любовь Данилова

Каменная птица папороть

«Издательские решения»

Данилова Л. Н.

Каменная птица папороть / Л. Н. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837763-1

В основу сюжета повести легли реальные обстоятельства экспедиции палеонтолога В. П. Амалицкого по Русскому Северу конца XIX века — по краю исчезающей сказки. Опасное плавание по Чёртовой реке, загадочные встречи и настоящие открытия, среди которых не только безмолвные камни, но и гораздо большее: заповедные места, северные деревни и их жители — хранители древних обычаев, исконного языка и мудрой силы суровых предков. По воле Хозяина реки туман укроет и спасет, обронит птица папороть перо...

ISBN 978-5-44-837763-1

© Данилова Л. Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Каменная птица папороть

Любовь Николаевна Данилова

*Посвящается выдающемуся учёному-палеонтологу Владимиру
Прохоровичу Амалыцкому и его супруге Анне Петровне —
одной из первых среди русских женщин-геологов*

© Любовь Николаевна Данилова, 2017

ISBN 978-5-4483-7763-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Господин профессор

Два века уже, как затихло, уgomонилось время. Неспешно, равнинной рекой текла жизнь – по старине, по обычаю, как прежде. Новое приносили редкие чужаки. Воспринималось с опаской. Да и можно ль иначе! Зимой словно примерзало время, теряя ход, а суетное уносил весенний поток в студёное Соловецкое море, под ледовитые покровы северного океана. Но всё ж таки оттаивала земля к лету, освобождалась река от оков. И как встарь повелось, именно в эту пору нет-нет да и появлялись у нас новые люди. Скрытна чужая мысль, непонятен иной промысел. Вот когда становилось зыбко, из-под ног уходила твердь!

Господа на пароходе завсегда на виду: и немного их, и каждый наособицу да со своей причудой. Так что есть на кого подивиться, на что посмотреть, найдётся и о чём рассусоливать¹. Дорога до Устюга долгая. Надоест берега разглядывать, тем более что всё смотрено-пересмотрено, как в ярмарочном балагане.

Это им пока в диковинку. Вон по палубе прохаживаются. Не вдруг поймёшь, что господа. Он в тужурке простой суконной, в сапогах высоких, лишь на носу... – как это называется? – пенсне. Да и барыня, чай, не в гости собиралась. Одежда на ней хоть и добротная, но уж не наряд: блуза немаркая, юбка простая, жакет (на плечи наброшен) тёплый.

Капитан бы не сказал, так, поди², и узнай, что сам-то – геолог, а величать его надобно «господин профессор». И всё ж таки странные. Говорено, что господин этот да его супружница до Тотьмы следуют, там будут лодку искать, чтоб дале не пароходом. И зачем это надобно? Разве не странно? Зато, как из Вологды вышли, о них только и разговоров – и в третьем классе, и в рубке второго.

Сам-то Зепалов билет во второй брал. Чай, родом из простого звания. Не барышня, чтоб форсить, – деньгам и ноне счёт знает. Да и сына к излишествам нечего приучать. Пока гимназист – на глазах, а коли в Москву в университет отпускать, как просится, надо заранее – к мотовству без потачки. Но сын вроде и доволен всем. Ой, Петька! Узнал, что на пароходе геолог, да ещё и профессор, так только около него и крутиться. И на что сдался? Хотя и сам далёко ль ушёл, а, Миколай Петрович? – задавал Зепалов и себе вопрос. Ну и что за купец без любопытства?

Чем, к примеру, народ во втором классе примечателен? Тем, что бывалый, много повидавший да и к общению расположенный. И кто ведь откель! Вон студент из Питера в Красноборск едет – родителей навестить. Такое вищенье³ вымахал, а худой – кости брякают! Землемеру до Сольвычегодска добраться надобно, фершалу как-то на родную Кокшеньгу попадать, а старичку в прюнелевых⁴ ботинках в пути быть дольше прочих – до Архангельска. Подсаживались на пристанях и пароходские – эти, конечно, в Устюг.

К такому люду у Зепалова интерес особый: нет-нет да что-то раньше других и прознаешь. Вот и сейчас о чём речь зашла?

- Слышь-ко, вон из первого класса геолог...
- Да что за геологи этакие?
- Да рудознатцы, коли по-нашему.

¹ Рассусоливать – увлекаться разговором, рассказывать не спеша, забывая о деле.

² Поди – вероятно, пожалуй.

³ Вищенье – высокий, долговязый (о человеке).

⁴ Прюнель – (устар.) лёгкая плотная ткань, идущая на изготовление верха обуви.

– Эво как! И что этга ищут или далее следуют?

– Ну, буди⁵, известняк. Да где ж его нету?

Неспешна река, и разговор неторопен.

– Известь-то ближе к Устюгу жгут?

– Так и есть.

– Да что у вас на Сухоне сыщешь! Одни каменья, – пренебрежительно кривит рот студент.

Ну-ну, то поначалу на любом пароходе, с палубы коего сутками ни ногой! Каждый хорорится: блеснуть-то на людях чем? Пусть видят, каким и в жисть не бывал. И самому в то не грех хоть на миг поверить. Уверен, умён, находчив. Состязаются, горячатся, чуть не ссорятся, а день-другой минует, смотришь – уже и приятели. Зепалов к такому привык, наблюдал за перепалкой с улыбкою, но дельное слушать не забывал.

– Это, поди, нам – каменья, а геолог-то, буват⁶, и каменья к делу приспособит. А мы всё ушами хлопаем! – землемер тараторил горячо, с придыханием: – На реке Ухте один из земли грязь качать почал. Нефть, говорит, и всё тут! Не вдруг убедил. А та нефть масляниста, черна, зажжётся – пластает так, что ни дров, ни угля не надобно. Куда с добром! Как не слышали? Про Мишку-то Сидорова? Ох же и прохвост!..

Вот тут, как напокась⁷, и вбежал в рубку младший Зепалов да с таким грохотом, ровно бочонки по трапу катили, – не ко времени, серьёзный разговор поломал. Поманил Николай Петрович к себе Петю, глянул сурово:

– Не робёнок уже, степенней ходи. Народ-от пужаешь, – одернул на сыне гимнастерку, поправил пояс. – Ну, говори-ка, Петруша, что вызнал. Как величают господ-то?

– Профессор Амалицкий, батюшка, Владимир Прохорович. Из Варшавы, – легко, как о старом знакомом, ответил мальчик, потирая раскрасневшееся ухо. Почти не заходящее летнее солнце окатило его лицо алой сухонской зарей, обдало жгучей краской, опалило скулы, обожгло нос.

Призадумался Зепалов:

– Подволоцкие у нас есть, Наволоцкие, Полицинские... Нет, про Амалицких не слышал. Неместные – уж и правда.

С сочувствием глянув на раскрасневшегося подростка, вставил фельдшер:

– А ты бы, парнечок, поменьше на палубе торчал – лицо-то бы и не сжёл. Того гляди с ушей-то кожа лафтаками⁸ облезать почнёт. На этаком солнцепёке да ещё с ветром, да у воды!

– Уши-то намазать бы простокишей⁹, а то и впрямь облезут, – советовали попутчики.

– И то верно. Любезный! – окликнул буфетчика старший Зепалов. – Дай-ка простокиши. Молоко-то, всё одно, сселось.

Пете эти вкруг него хлопоты не очень понравились (ведь немаленький!), поторопился отвлечь, выпалил:

– А он не совсем геолог!

– Барин-то? Того не легче!

– Его наука – палеонтология.

– И что это за штука такая?

– Наука о вымерших древних животных и растениях. Их окаменевшие остатки и сейчас находят в земле. Окаменелостями называют.

Безнадёжен труд убеждения. Как по старине понять – вот загвоздка.

⁵ *Буди* – здесь: пожалуй.

⁶ *Буват* – может быть.

⁷ *Напокась* – назло.

⁸ *Лафтак* – лоскут (ткани, кожи).

⁹ *Простокиша* – простокваша.

– И наштё¹⁰ эти кости? – усомнился до сих пор отмалчивавшийся старичок.

– И какой от того толк? Тоже мне каменелости, – недоумевал землемер.

– Да хотя бы... В общем, есть в них для геолога подсказка, какие богатства и где в земле скрыты.

– Это смотря какую кость найдут? Ишь ты, хитро!

– Поди, и золото так ищут?

Гимназист плечами пожал – не хватило знаний.

– Что ты, паря, дак про такое-то надо наперёд всего визнавать! – посмеивался пароходский. Потянулся рукой в карман, блеснул портсигаром, доставая папиросу. – Чего набутусился¹¹?

А Пете обидно стало: ну как объяснить! Они ведь не читали: ни Жюль Верна про путешествие к центру Земли, ни «Геологию» фон Котта – пусть и тоненькая книжонка, но какие картины доисторической жизни нарисованы! Представил и взбодрился:

– Да это ж и просто интересно! Вы, поди, и про динозавров не знаете, а они ведь на самом деле на Земле жили!

– Не считайте, юноша, всех столь непросвещёнными, – вяло, но всё ж таки возмутился студент, снизошёл до присутствующих. – Совсем недавно в Скалистых горах Канады обнаружено множество окаменелых останков этих громадных и ужасных ящеров. А в России что? И нет ничего! Правда, читал, что в Сибири, в мерзлой почве тундры, как-то нашли полный скелет мамонта. И что примечательно – с сохранившейся кожей, с волосами.

– Ну и на что он им, геологам этим, сдался – с кожей-то да волосами? – оживился старичок-архангелогородец. – Если только бивень в дело сгодится: мастер из него красивую безделушку вырежет – гребень, к примеру, костяной. Видал я такие. Подземного зверя-мамонта костьё-то и у нас в Архангельской губернии находят. Только уж теперь редкость, больше в дело моржовая кость идёт. Костерезы-то холмогорские, ничего не скажешь, искусны, а ране-то даже икону вырезать могли – всю из пластин мамонтовой кости! – сухонькой ладонью огладил старик воздух, словно красоты резной коснулся. – Важным персонам в подарок и кубки резали, и чарки, и шахматы, и трости. Все костерез может, лишь бы бивня хватило.

Не ведали Амалицкие о том интересе, что к ним проявляли попутчики. Ничто не тревожило их на палубе, откуда долго не уходили, восхищаясь разливом. Название реки – Сухона – вызывало недоумение: не может быть сухой река да ещё такая! Здесь всё напоено влагой. Прямо из воды тянутся зеленые веточки прибрежных кустарников. Кажется, возьми в руки мокрые плети ветвей, и их можно отжимать, даже пить, если успеешь, не то просочатся зелеными струями меж пальцев, или хлестнёт ветер – прольются изумрудным дождем.

Разбежалась река, развернулась, почувствовав волюшку, прижала берега к самому горизонту. Это Присухонская низина дарит ей невиданную свободу, баловства ради закручивает русло в причудливые лабиринты.

– А может, здесь водит, – посмеивался капитан, постреливая глазами из-под козырька.

– Кто?

– Он, Хозяин.

Да разве иначе подумаешь? Это край непуганых птиц, рыбьих всплесков, вздохов водяных. Другой мир, где люди – лишь гости. Заблудился пароход. Бесконечно движение по кругу: поворот за поворотом влево, влево, влево... Вырвемся ли? От кого так уворачивается река? Кто её наматывает на невидимую сердцевину? Круг за кругом, поворот направо – восьмёрка...

¹⁰ Наштё — здесь: зачем.

¹¹ Набутуситься – обидевшись или рассердившись, насупиться, нахмуриться.

– Володя, красота-то какая, простор! Воздух – хоть пей! – подставив лицо под ветер, наслаждалась радостью долгожданной встречи с севером Анна.

И тут как колобок выкатился – выскочила на палубу малышка. Короткие прядки выбились из русой косы. Большеглазая и смешная.

– Тоже заблудилась? Где мамка? – оживилась, присела рядом с девочкой Анна, но пришлось оглянуться на чей-то сердитый возглас.

– Вам тут не положено, никак нельзя! – ворчал судорабочий, не пуская на палубу высокую молодую крестьянку в сарафане из красно-белой пестряди¹². Мамка виновато топталась у трапа, подзывая девочку:

– Нюра! Ну что будешь делать! Да иди ж ты сюда!

– Надо же, тетка, – нежно, растроганно улыбалась Анна. – Да пусть девочка посмотрит, не всё в трюме сидеть.

Амалицкая не заметила, с какой грустью глянул на неё муж. Столько лет переживаний... Своих детей так и не дал им Бог, тут и с чужим понянчиться – в радость. А ребяташки как чувствуют – тянутся к ней.

– Из третьего класса. Не положено, – больше для порядка бубнил пароходский, а уходя, одобрительно хмыкнул: – Ишь ты, добрая!

Смущённая мать не поднимала глаз, суетливо приглаживая Нюркины непослушные пряди:

– Не ходи распетушьем¹³, на-ко гребёнку! Простоволосая. Платок-то где? Голова от тебя кругом!

Не сразу, но за ночь и река вырвалась из круговерти. И вот уже всё по-иному: словно кто-то неведомый, но всесильный, вставил красу речную в оправу, не отпуская воду в разлив, взял берега в рамочки.

Шутит река: притянув с неба слепящий глаза желток, кривит его в водном зеркале – то так, то эдак. Смеётся солнце, одевая Сухону в блестящий наряд, ветер ему помощником – пускает серебряные дорожки по подолу. Порывом разбежится до берега – хлестнёт по сочным ветвям, зелёные брызги листвы освежат голубую кромочку неба.

Но даже на этом неспешном пароходе посреди прекрасной реки – вдали не то что от Питера, но даже от Вологды! – под размеренные шлепки плиц¹⁴ по воде, под глухой стук машины, спрятанной глубоко в трюме, под баюкающее шуршание воды, разрезаемой носом судна, Владимир расслаблялся с трудом. Анна чувствовала, как он напряжён и сосредоточен.

– Мне иногда кажется, что я мечтаю о недостижимом, будто гонюсь за неуловимой птицей или ищу цветок папоротника, которого на самом деле нет. А может, прав Мурчисон? – спрашивал, накидывая ей на плечи принесённый из каюты жакет.

– Тот шотландец?

Как давно Владимиру Прохоровичу хотелось поделиться мыслями с женой! В хлопотах сборов в дорогу, в заботах последних дней он так и не нашёл свободных минут поговорить неспешно с дорогим человеком, подругой и надёжной помощницей – рассказать ей о том, что так беспокоило, смущало, заставляло сомневаться.

Услышав их голоса, на трапе остановился Петя – не показаться бы навязчивым. На палубу так и не выскочил, перегибался за борт, держась за поручень, смотрел на взбитую плицами пенную дорожку и ловил каждое слово. Подслушивать нехорошо, но удержаться не мог.

¹² *Пестрядь* – домотканое, обычно двухцветное, льняное полотно.

¹³ *Распетушье* – неряшливо, нелепо одетая или непричёсанная женщина.

¹⁴ *Плица* – (устар.) каждая из лопастей пароходного колеса, захватывающих воду при его вращении.

– Да, Аня. Именно Родерик Мурчисон пытался обследовать эти берега ещё в 1840-м. Помнишь, я тебе о нём рассказывал? Какой авторитет в науке! Но и он, и те, кто бывал здесь позднее, так и считали Русский Север великим геологическим безмолвием. Никаких находок, ни одного открытия! Возраст и природа отложений загадочны. А ведь именно Мурчисону удалось выделить так интересующий меня геологический период в истории Земли. Только на Урале. В честь исследованных земель назвал его пермским... – и, помолчав, Владимир неуверенно добавил: – Аня, может, это и глупо – отправляться по заведомо безнадежному маршруту. Но ты-то меня поймёшь и простишь, коли что, правда?

– Конечно, но не потребуется. Ты упорен и неутомим, и поэтому обречён на успех! – рассмеялась Анна, ласково глянув на мужа.

– Думаешь? – сощурился не очень-то легковёрный учёный, но вслух рассуждать продолжил: – А всё-таки не даёт мне покоя одна странность, одна находка. Курьёз? Барбот де Марни, считай, за пёрышко мечту словил!

– Что за находка? Почему я до сих пор не знаю?! – удивилась Анна, не однажды слышавшая, с каким восхищением говорили о Николае Павловиче в кругу специалистов. Это был выдающийся российский горный инженер с французской фамилией, геолог, профессор Петербургского горного института.

– А ты спрашивала?

– А ты рассказывал? Где, когда?

– Тридцать лет назад, на Вычегде. Две реки, Сухона и Юг, образуют третью – Северную Двину, а у Котласа в неё впадает Вычегда. Она течёт с востока, – глянув на солнце, рукой указал направление Владимир Прохорович. – Это где-то там. Так вот, поднимаясь вверх по Вычегде, Николай Павлович нашёл то, чего не удавалось обнаружить предшественникам.

– Догадываюсь, что это был камень, – снова улыбалась Анна.

– Но какой! С отпечатком пермского хвоща!

– Велик ли?

– Мал золотник да дорог! С твою ладошку, Аня. Уникальная находка. Казалось, что курьёзная. Откуда здесь фоссилии¹⁵? Случайность?

– А почему их не может здесь быть? – недоумевала Анна. – Первая находка всего лишь.

– Но, чтобы доказать, надо найти ещё. У нас пока и по всей России очень мало примеров. Но то, что есть, уже смущает. Помнишь, я показывал тебе в Лондоне окаменевшие раковины пресноводных моллюсков из европейских отложений? В России двустворки тоже попадаются, но совсем другие. И опять же странность: уж очень они похожи на пермских моллюсков родом из южноафриканской пустыни – с плато Карру! Не видел бы этикеток в коллекции Британского музея – принял бы за наши.

– Где сходятся две странности вместе, нет ли закономерности? – мудрая женщина задала вопрос, который давно волновал ученого. Но своими догадками он уже делился со специалистами. А что в результате? Коллеги только посмеялись над ним. Мнение маститых ученых было незыблемым: пермская фауна северных и южных материков резко различалась и не могла иметь ничего общего.

– Не упускаем ли мы из виду, насколько значительно за миллионы лет менялись очертания материков?

...Но тут засуетились парходские, готовя чалку¹⁶. Пора брать дрова. Вереница полениц по мере приближения к берегу вырастала на глазах. О чём говорили дальше, Петя не слышал. Ушёл, чтоб не путаться под ногами.

¹⁵ *Фоссилии* (лат. *fossilis* – ископаемый) – окаменелости, остатки организмов геологического прошлого, включая следы их жизнедеятельности.

¹⁶ *Чалка* – причальный канат.

Как паровой котёл, закипал капитан:

– Ссажу-у-у! Забирай пожитки!

Металась по берегу молодуха. Надорвала голос от крика:

– Нюрка, Нюрка!

Искала дочку и за поленницами. И в ивняке у воды мелькал пестроцветный сарафан. Всё без толку.

– Окстись, Осип Иванович, – осадил капитана Зепалов. – Как они доберутся? Здесь других дорог нет. Нешто не жалко? Следующий пароход? Околеют ждать! Искать будем, охватим пошире, – и решительно спрыгнул на берег. За ним ринулись и другие: и студент – красноборское вищенье, и светлоглазый, как кокшеньгская чудь, фершал, и даже старичок в прюнелевых ботинках.

– Не ходили бы вы, промочите ноги, – попытался остановить его Владимир Прохорович, а сам уже громадными шагами мерил бечевник: приглядел распадок с натопанной тропкой, решил заглянуть. Не там ли спряталась, а теперь мамкиной вицы¹⁷ боится?

За Амалицким увязался и Петя. Отец кивнул:

– Гляньте в логу-то, гляньте.

Тропка из зарослей купальницы вывела к ручью, ручей зашептал о прохладе леса. В сумраке береговой расщелины терялись краски. Еловые ветви колючим занавесом закрывали обзор. Владимир Прохорович приподнял одну из них, Петя поднырнул первым. В логу пахло влажной землёй. Сквозь прелую прошлогоднюю листву проросли редкие кустики черничника, топорщился багульник, рядом с ручьём пробивался к свету и влаге белокрыльник, упрямо разворачивал зелёные ладошки, пронзённые белёсыми тычками соцветий. Царившие над травяной мелочью пышные папоротники бросали причудливые резные тени, покачивали опахалами листьев.

Амалицкий, прошагав мимо, осматривал склон: разве удержишься! Нет, даже здесь, несмотря на порядочную крутизну, – ни одной осыпи. Склон изрядно задернён. Ближе к Тотме он ожидал увидеть другое. Когда же?

Петя, обшаривая папоротники, прервал раздумья учёного:

– А в Устюге вы будете?

– Да, Устюга нам не избежать. Но до этого придётся изрядно поработать, – подумал и уточнил. – Очень надеюсь, что получится поработать.

– Откуда тут баламолки¹⁸? – оторопел Петя, недослушав. – Ой, – и, запнувшись, чуть не упал в заросли.

Куст папоротника ожил и взвыл:

– Не буду больше! Мамка, прости меня!

Петя с трудом удерживал Нюрку – упорно брыкающуюся беглянку, дрожащую от холода и страха, но с охапкой купальниц в руках. Букет украшали зелёные перья папоротника.

Владимир Прохорович подоспел вовремя:

– Мамки пока нет, так что давай потише, – невозмутимо подхватил упиравшуюся девочку на руки и вынес на свет.

Рассыпавшиеся по берегу попутчики, увидев найдёнку, обрадованно замахали руками. Возвращались быстро. У самого парохода Владимир Прохорович спустил Нюру с рук, что-то шепнул ей на ухо. Та кивнула и со всех ног бросилась к Анне Петровне, ожидавшей мужа на сходнях, решительно протянула букет:

¹⁷ Вица – гибкий прут, ветка.

¹⁸ Баламолка – растение купальница.

– Тёта, на! – и тут же спряталась за мамкин подол. Подоспевшая зарёванная молодуха смутилась и, прежде чем увести девочку, принялась кланяться и извиняться:

– Ой, нашла что барыне-то – баламолок с папоротью!

Анна не слышала ничего, зарывшись лицом в росистые и сочные соцветия, в желтые бубенчики купальниц.

– Пока дрова грузили, вон что удумала! Цветочки! – ворчал капитан, потихоньку спуская пар. – Где и нашла.

– Вот тебе, Ань, и папоротника цветок. Оказывается, он жёлтый, – любуясь женой, ласково пошутил Владимир Прохорович.

– Ничего смешного, Володя. Цвет папоротника наделяет человека особенным зрением, позволяет видеть то, что находится глубоко под землей, раскрывает перед ним земные недра, – поднимаясь на палубу, чеканила по трапу каблучками Анна.

– Надо же, бесценный инструмент! А мы тут с молотками, с зубилами. Но посмею тебя разочаровать. Как говаривала моя нянька, у ту ночь найти из папоротника цвет – будешь знать, шо собаки брэшуть. Всего-навсего, – не унимался Амалицкий.

Анна не согласилась:

– Ну, это у вас на Волыни.

Бережно достала из букета папоротник. Подставила лист, как крыло под ветер. Вздыхал ветер крыло, трепетали зелёные перья.

– Э-хе-хе, не зря и тебе, Аня, папоротник покоя не даёт... – грустно, с каким-то затаённым чувством произнёс Владимир, и, оглянувшись, увидел Петю, нерешительно стоявшего тут же на палубе, но чуть поодаль.

– Пётр, подойдите-ка сюда. Вот гляньте. А ведь эта, как у вас говорят, папороть – дальний-дальний потомок пермской глоссоптериевой флоры. Гигантские глоссоптерисы не выжили, были обречены на вымирание, а такие миниатюрные экземпляры пережили все катаклизмы, на которые обрекла их Земля. Но найти бы мне хотя бы кусочек того – древнего! Надеюсь, что здесь это возможно.

Подслушав предыдущий разговор, устюжский гимназист и так уже смотрел на Амалицкого, как на профессора Лиденброка – того самого, что по воле фантазии Жюль Верна отправился в совершенно невероятное путешествие к центру Земли. Настолько же невероятным казалось и то, о чём говорил Владимир Прохорович. Южная Африка, загадочное плато Карру, а теперь и гиганты-глоссоптерисы, которые могут прятаться где-то рядом... Чувство восхищения мешалось с недоверием, но азарт вспыхивал неудержимо, как искорки от стреляющих угольков костра – только пошарабошь¹⁹!

– Владимир Прохорович, – не утерпел Петя, – а в России, правда что ли, окромя мамонтов ничего не нашли?

– Кто вам сказал? – натужно улыбнулся Амалицкий.

– Студент, тут на пароходе, – виновато признался Петя.

Вот ведь как бывает: наивный, почти детский вопрос задел за живое.

– Ну, как сказать, кое-что находили: мамонт – да, остатки носорога. Но с точки зрения геологической истории эти животные обитали на Земле не так уж и давно. А вот из весьма древних отложений – пермского периода – лишь ископаемые остатки парочки ящеров. Но вы все-таки имейте в виду, что и маленькая подобная находка может оказаться бесценной для науки – недостающим звеном для понимания того, как развивалась жизнь на планете.

Брызнул короткий дождь, его капли прозрачными пуговками легли на палубу, вместе со шляпками гвоздиков, торчащими из деревянного настила, сложились в непонятные знаки.

¹⁹ *Шарабошить* – слегка двигать, шевелить.

Стало свежее. Нет, ничего, кроме зарослей папоротника под гигантскими елями с неохватными стволами у комля, Петя представить не мог.

Владимир Прохорович смотрел на мальчика и узнавал в нём себя: с метаниями юности, с первыми сомнениями, с отчаянием от муторного, казавшегося бессмысленным, учебного труда, но и с внезапными озарениями, со временем позволившими ровным пламенем разгореться его научным интересам. Нельзя останавливаться и гасить огонь в себе, прощаться с мечтой! Перевёл взгляд на Анну. Она все ещё не выпускала папоротник из рук, прилаживала к одному папоротникову крылу другое. Два крыла – птица.

– Представила в камне: папоротник окаменеет и станет каменной птицей.

– Птица в камень, как в клетку, попадёт, – тут же откликнулся на созвучное мечтам и мыслям сравнение Владимир. – Поймать бы эту птицу и мне. Птицу глоссоптерис.

Анна положила голову на плечо мужа, обняла. Ещё долго они смотрели в одном направлении – вперёд, куда бежал пароход. Петя тихонько, почти на цыпочках проскользнул мимо них и вниз. Что-то нежное и волнующее колыхалось в его душе в тот вечер.

Наутро, уже перед Тотьмой, на палубу высыпали все – нетерпение одолевало. Когда же город? Пока прямо по курсу – Дедов остров, разрезавший сухонское русло надвое.

– Была здесь ране Дедова пустынь, а ноне лишь приходская церковь Живоначальной Троицы, – вещал всезнающий старичок-архангелогородец: – Да вот же она! – перекрестился с поклоном.

Белокаменный храм проплывал слева по борту. Высоко головы задираТЬ приходилось – крут берег!

– Остров-то не наносной, коренная порода – в основе. Да-а-а, – оценил Амалицкий, – такому паводки не страшны.

– Леса настоящие, таёжные – с елями, с соснами! Дедов-то, наштё, с версту будет, – прикидывал землемер.

– А дале ещё два островка. Но уж те махонькие – Бабий да Внуков.

– Пошто так названы?

– Да всяко говорят. Баят²⁰, ровно в незапамятные времена бежали из Устюга дед, бабка да внук. Внуку-то силёнок и не хватило – не мог больше плыть, с ним и бабка осталась, оглянулся дед... эх! Что поделаешь? Так вместе и окаменели.

– А чего из Устюга бежать-то? – возмутился Петя. – Что у нас страшного?

– Сомнительно – твоя правда. Поди, на реке-то боле страх пронял.

Знающие согласно кивали.

– О чём вы? – насторожилась Анна.

– Ну, успеете ещё наглядеться. Да не пугайтесь шибко-то²¹, барыня. Мы все люди, и уж не первый раз этим путём следуем, Божьей помощью живы, – попытался успокоить старичок, получилось не очень удачно.

– А Тотьму-то уж и видать! Купола, купола горят! Храмы-то, свет ты бог, высоки да ладны!

Те, кому сходить, прощались. Амалицкий, торопясь, почти скороговоркой, давал последние наказы Пете:

– Фон Котта, конечно, популярно пишет, но все ж таки не лучшим образом. Если будет интерес, кое-что на русском найдётся: в старых журналах попадаются статьи Карла Рулье, издан и труд Мурчисона – «Геологическое строение Европейской России и хребта Уральского». Запоминайте.

²⁰ Баять – говорить, рассказывать.

²¹ Шибко – значительно по степени проявления; чрезмерно, чрезвычайно, очень.

Подошёл и Зепалов-старший, уважительно раскланялись:

– Доберётесь до Устюга, милости прошу к нам! Чай, лучше приму, чем в Добрецовских-то номерах, – подмигнул обрадованному Пете. – Правда, на неделе с женой и дочерьми отлучусь – давно им загородный выезд обещал. Но сыновья всегда дома: старший – на хозяйстве (ему наказано будет), а Петьку от книжек за уши не оттащишь.

В суматошной толчее тотемской пристани Анна Петровна успела: тут же в ярмарочном ряду купила расписной пряник, разыскала Нюрку, в ручонку сунула. Боязливо смотрела девочка на мать – не смела обрадоваться неожиданной сладости. Анна Петровна возражений не приняла.

– Что-те разгонный, – растрогавшись, всплеснула руками крестьянка.

– Какой?

– Прощальный, значит, – подсказал возвращавшийся на пароход студент, осветила лицо улыбка.

Глава 2

На сухонских переборах

Мужички-гребцы, нанятые в Тотьме, божились, что Нижнюю Сухону знают, что им не впервой и не подведут. Но Амалицких не отпускала тревога. У Анны не шёл из головы последний разговор на пароходе: какие испытания готовит им река? Вот уже и гребцы осеняют себя крестным знаменем, опасливо поглядывая по сторонам. Тем не менее Сухона и после Тотьмы была всё та же, чем ввергала в уныние Владимира Прохоровича. Сутки потеряли.

Зато после Камчуги, как только берега начали подниматься всё выше и многообещающе оголяться, слой за слоем показывая миллионы лет своего прошлого, настроение профессора заметно улучшилось.

– А где ещё его – это прошлое – вот так увидишь, не копая?! Посмотрел налево, глянул направо! В каком музее? То-то! – восторгался Владимир Прохорович, Анна радовалась азарту мужа. – Просторы севера здесь вполне разговорчивы. Как опрометчиво названы немymi! Вот научимся понимать их язык...

То и дело Амалицкий требовал приставать к берегу, чем вызывал явное неудовольствие гребцов: какой в том смысл? Вот зачем встали под осыпью, где, того гляди, камень на головы посыплется! Дак он ещё и сам по склону выше лезет, молотком своим странным на длинной рукоятке колотит и всё чего-то там шарaboшит. А толку от того что? Ни капельки! Только песок за шиворот летит да страшно – снизу смотреть и то голова кружится!

Профессор же придерживался другого мнения. Не беда, что пока нет толку. Появилось ощущение, что береговые обнажения ведут его: тоненьким пунктиром, как стрелочкой, указывают направление вниз по течению. И ему не терпелось плыть дальше, видеть больше! И не только видеть, но и молоток геологический к этому не раз приложить, зубильце без работы не оставить. Увлекаясь, мог и не заметить, как переживала Анна. Неотрывно смотрела она на кручу, куда забирался Владимир, отчаянный и неутомимый, сжимала пальцами борт лодки да так, что белели ногти. Но это ж не помогало! Маялась. Пробовала занять себя. На бечевнике полно каменной мелочи, что-то отбирала по собственному разумению. Вот и переставали томить часы ожидания.

Да и река менялась. Заметно ускорилось течение. Перекат Боркуны да Кринишный прошли, Клыки Верхний и Нижний, Бобры да Кривляки, а потом вообще Вилы! Неспроста на Сухоне перекаты «переборами» называют. Попробуй-ка реку перебороть – тут уж кто кого. Что вот от перебора Чистка хорошего ждать, как думаете? То-то. В Корыте плескались, на спине у норовистой Кобылы прокатились, как не сбросила! На Осетрах никаких осетров не встречали, сплошные камни.

Вот такие они перекаты, да ещё и с застругами попадают, хоть, к примеру, Сторожевика возьми. Что охраняет? Свою подругу-застругу – Игумениху. Ему-то подруга, а нам как быть? Назаплетала река каменистых кос, накидала с берега камней-валунов прямо в русло.

Ворчит перекат Боркуны, шумят Звягливец и Гремячевские Борозды, совсем осип глухо ухающий Кашливец.

– На переборах-то река шумкая!

Перекаты на Сухоне часто бороздами называют, и точно: иной раз в воду глянешь – будто борозды по дну реки пролегли. Борозды Осиновские да Каликинские, Монастырские...

– Аня, здесь у Монастырихи породы, из которых берега сложены, сдвинулись, сместились, порядок земных слоев нарушился, а на речном дне образовались неровности – эти самые борозды.

На перекатах Верхний Кривец и Сквозняк дно мергелем устлано, а ниже – глина да гравий с камнем.

– Видишь, Аня, красно-бурая порода – это мергели, известняки с глиной пополам.

Странный перекат Деревянный перед Брусенцом. Да и Брусенец – удивительное название. Откуда? Брусками точильный камень называют. И точно – где ж его тут нет?! Всё дно покрыто булыжником да точильною плитой – брусьями, иначе говоря. Того гляди, всю лодку обточит, днище сдерёт!

– ... Вот тебе и Брусенец, и речка Брусенка, – объяснял Владимир жене. – Брусяной, или точильный, камень – это тальковый сланец. Его месторождения имеются на Печоре и в Вятской губернии – там и там по Брусяной горе. Есть Брусенский остров на Онежском озере – это, значит, в Новгородской губернии. Ну, вот и здесь, получается. Для геолога же и в названиях подсказка может быть, а для плывущего по реке – предостережение. Только уразумей, что значит. И тогда река оправдывает надежды.

Правда, не стоит забывать ещё и подкрепиться, обогреться и выспаться, перед тем как плыть дальше. Поёживалась Анна, застегнула жакет, спасаясь от холодного ветра, который всякий раз усиливался там, где теснее сдвигались величественные берега. К вечеру они насупились, помрачнели, чёрными елями ощетинились вершины обрывов, а нанятые мужички затеяли смутный разговор об опасностях, поджидавших и на мелководье, о прохождении перекатов, о каких-то Опоках. Амалицкие ещё не знали, что совсем скоро – в Востром – им предстоит наслушаться и про Чёртову реку, насмотреться на Дикие Слуды...

У Вострого как раз приставали к берегу на ночлег, точнее, к ведилу – узкому, бревенчатому плоту сплавщиков древесины. Горевший на плоту костёр обрисовывал ярко-красным цветом силуэты людей, собравшихся у закипавшего в котелке варева.

– Затемнили-то²² как! Давайте, подгребайте к нашей артили! – приветливо прокричал им, надо думать, старший из работных людей. И вот уже собравшиеся у огня поднялись, чтобы помочь причалиться и закрепить надёжно лодку, поставив вплотную бортом к ведилу.

– Во-о-от, так-то ладно будет, – места у костра, действительно, хватило всем. – Вместе и посумерничаем, одним гайном²³ в потёмках-то лучше. Нашей крутоварочкой не побрезгуете? – снова, но уже испытующе спрашивал старший.

Крутоварочкой²⁴ брезговать не то что не приходилось, крутоварочка – это даже очень хорошо! Заваренная в кипятке с пшеничной крупой и лучком солёная «тресочка» – что может быть лучше для оголодавших путешественников с одним перекусом в середине дня, да и то всухомятку!

– А что сами-то рыбу не ловите? Целый день на реке, – распробовав крутоварку, недоумевал Владимир Прохорович.

– Дак не идёт рыба. Ветер-то какой дует? Хиус²⁵. Даже комарё попрыталось, а ты, барин, про рыбу баешь. Какое тут! Вот на таки случаи у нас и подзапасено тресочки-то солёной.

– Да и вы много ли наловили-то? – усмехнулся и старшой, раздавая артельщикам ломти хлеба.

Анне же было не до разговоров и несомненно хотелось есть. Вот она и наворачивала, не отставая от мужчин и ни капли не смущаясь этим. Крутоварочка, изрядную порцию которой налили в поданную ею глубокую тарелку, убывала быстро.

²² *Затемнить* – оказаться где-либо при наступлении темноты, быть застигнутым темнотой.

²³ *Гайно* – 1. Гнездо белки. 2. Выводок белки. 3. (*Собир., перен.*) Маленькие дети. 4. *Перен.* Толпа, скопище, группа людей.

²⁴ *Крутоварка* – приготовленный быстро, на скорую руку суп (здесь: из заваренной кипятком солёной трески).

²⁵ *Хиус* – 1. Резкий северный или северо-восточный ветер. 2. Резкий пронзительный холодный ветер, дующий по долинам рек, когда отсутствуют ветры господствующих румбов.

– Промялась²⁶, видать, – посмеивались мужички, в строгой очередности запускавшие ложки в снятый с огня котелок.

А потом вместе пили чай. К нему Анна выложила и колотый сахар, прикупленный в Тотьме, и мягкий²⁷, и «картофны шаньги»²⁸, и варёные яйца – то, что удалось раздобыть утром в деревне где-то около Нюксеницы. С провиантом была беда! В начале лета на севере с едой совсем не богато. Молоко и сами шильцем хлебают, яйца по голбцам²⁹ к праздникам прихранивают. И рады бы денежке, да продать нечего.

Вот тут, за чаем, и зашел разговор о Чёртовой реке.

– А знаешь ли ты, девонька, – обратился к Анне старшой, видать, проникшись особенной симпатией к единственной женщине на плоту, – эту реку у нас народ Чёртовой величает. Во-о-от, и не просто так.

То ли ночной холодок пробежал по спине, то ли первый страх прокрался на лёгких лапках, царапая коготками:

– Почему же, дедушка?

– Камней-то сколько по реке разбросано, видали ли?

– И камень Лось видели!

– Видали? Вот. Так то ведь чёрт виноват. Нёс, бают, в решете орехи, да и просыпал. Решето немаленькое было, да и орехи-то, поди, хрушkie³⁰. Упали они в Сухону да в камни и обратились. И теперь никакого по реке для пароходов ходу – всё чего-нибудь да случается. То в одном месте на камни наскочат, то в другом. То путейские неладно вехи проставят.

– Что у вас и за чёрт такой пахорукий³¹! – встрял в беседу Рафашка, младший из тотемских гребцов. Напарник глянул на него неодобрительно, но смолчал.

– А это как? – вырвалось у Анны. Мужички замешкались, не зная, как объяснить молодой барыне. Выручил старшой, хотя тоже не без колебаний:

– Ну, скажу так, не из того места руки у чёрта растут, и оттого неудобны в применении. Но больше от зловредности пакостничает, – тут же продолжил, пытаясь замаять неловкость. – Вон Тозьму никак стороной не обойдёт. Всё ему там что-то надобно.

– А что же? – поинтересовался и Владимир Прохорович.

– Кто ж знает. Пойдёте у Васькиного ключа – спросите. Там всё и скажут, – усмехнулся и сощурился старшой.

– Что за ключ, где?

– Тозьму-то минуете, так по левому берегу. Вода ключевая, родниковая, а струя-то такая – как речка, да ещё не ровно бежит, а по уступам в реку-то падает.

– Водопад! – округлила глаза Анна.

– То-то и есть, вода так и падает.

– А вкусная? – снова проявил любопытство тотьмич.

– А ты попробуй!

– На обратном пути и нам расскажешь, – артельщики переглянулись и начали посмеиваться, давая понять, что всё не так просто.

– Зелёные вы ещё, вон и Дикие Слуды впереди. Рассветает, так насмотритесь...

– Эка невидаль! – в который раз изобразил из себя знатока горячий тотемский парень.

²⁶ *Промяться* – почувствовать голод, проголодаться, хорошо потрудившись.

²⁷ *Мягкий* – домашний хлеб, выпекаемый в русской печи.

²⁸ *Шаньга* – выпечное изделие из пресного теста в виде тонкой лепешки с загнутыми краями с начинкой из картофеля или крупы.

²⁹ *Голбец* – 1. Деревянная отгородка у русской печи с дверью и лестницей в подвал. 2. Подполье, подвал в крестьянской избе.

³⁰ *Хрушкой* – большой по размерам, величине; крупный.

³¹ *Пахорукий* – неловкий, неумелый в работе, такой, у которого всё валится из рук.

...Светает на севере рано. И вот уже гнётся в рассветном небе над Вострым тонкий серп месяца, бледнеет от встречи с утром. Уходили в молчании, и только были слышны всплески воды, натужные вздохи едва проснувшихся гребцов. Владимир Прохорович привычно занял место на корме и перебрасывался негромкими словами с мужичками, подсказывая им, где вехи и, стало быть, фарватер. Гребцы сидели за вёслами, а значит, могли видеть лишь то, что оставалось позади. Назад медленно уходил высокий, плавно круглившийся берег с разбросанными по нему угольно-чёрными на фоне светлеющего неба избами.

Плывущим в лодке придерживаться фарватера не обязательно, но смущали камни, таившиеся под водой. Где ж они? Без настоящего лоцмана разве узнаешь!

– Днище у лодки пропороть большого ума не надо, вода-то спадает, – досадовал старший из гребцов Иван Никитич. – Ты уж смотри, барин!

– На середину не надо, вех придерживайтесь. Помните, что мужики вчера говорили?

– От правого берега далёко не отходить? Небось, барин! На стремнине несёт быстрее, сколько вёрст разом проскочим, и грести не надо! – пряной медовухой бродила в Рафашке ухарская нерастраченная сила. По колено Сухона, весь Русский Север с пятачок, страха с полушку! Неодобрительно качал головой Никитич – неразговорчивый мужик с большими, натруженными руками и спокойным нравом.

Сильное сухонское течение пригибало мохнатые еловые наверхия деревянных шестов-вех, притопленных на границах безопасного судового хода. Какие невидимые угрозы скрывала эта река – Амалицкие уже видели. Хорошо, что счастливо миновали. Опыт последних дней подсказывал – и у мыса Вострое не всё так просто. На то он и мыс. Где у русла реки очередное колено, крутая короткая излучина, так что-нибудь и жди. Какую экзаменовку устроит?

...Анна, желающая всё видеть первой, давно облюбовала место «вперёдсмотрящего». Сухона закладывала крутой поворот вправо, Анна ждала в нетерпении и не сводила с реки глаз. Не напрасно. Вдруг бесцветный, серый, ещё почти ночной мир вспыхнул красками, и огненной стеной прямо по курсу встали перед ней Дикие Слуды. Сразу захолонуло где-то в груди, словно дотянулся и до неё язык этого пламени, лизнул сердце. Стена левого берега плавно двигалась навстречу, нависая над лодкой своей громадой. Всё более вздымалась вверх эта стена, будто росла, заслоняя солнце, пытавшееся где-то за ней найти себе дорогу в небо, карабкаясь на её кручу, цепляясь за неё своими первыми лучами и поджигая слуду в гневе – с кем вздумала тягаться!

Анна уже знала, что именно слудами называют на севере высоченные оголённые берега, резко обрывающиеся к урезу воды. Ничто не может на них удержаться, выжить. Слуда пожирает и то, что растёт на её вершине. Оказавшиеся на краю дерева после очередной осыпи теряют силы, повисают над пропастью, какое-то время удерживаясь над нею корнями, болтаясь на них, как на кручёных ниточках. Так это выглядит снизу, да и сами деревья кажутся не более чем карандашами.

А уж этой-то гигантской слуде не было дела и до солнца. Невозможно помешать ей перемалывать то, что ждало своего часа на вершине. Не сорвётся ли однажды в пропасть и солнце, пока удачно, хотя и не без труда, карабкающееся на её кручи?

Слуды у Вострого, увлекшись разрушением, начали разрушать и сами себя. Если сначала показавшийся берег стоял нерушимой стеной, без изъянов и трещин, то дальше его громада распалась на конусы самых причудливых форм, на создание которых способна только природа.

Тут и гребцы, закладывая поворот и увидев справа от себя громадную стену берега, начали оборачиваться, не имея больше сил сдержать тревогу, что надвигалась на маленьких человечков в лодке вместе с однажды дошедшими до саморазрушительного буйства и совсем одичавшими слудами. Сначала, пытаясь направлять ход лодки, гребли в молчании и лишь

потрясённо глазели направо. Младший уже забыл, что он здесь не в первый раз и экой невидали дивиться не должен:

– Свет ты бог! Что с берегом сталося! Кто ж его так изгрыз-то? – заполошно, с придыханием вопрошал растерянный парень.

– Да он сам, хошь кого, изгрызёт. Что-те у моей тещи зубы! – ворчливо отозвался старший, сощурился и хохотнул, вспоминая своё.

Анна обернулась и посмотрела на мужа, который едва сдерживал смех. Сравнение показалось забавным. Все заулыбались, но, видно, рано...

Гребцы вдруг напряглись, почувствовав, что лодка перестаёт подчиняться. Управляться с вёслами больше не получалось – вода выталкивала их. Такова сила течения! Все попытки выровнять ход только кренили лодку. Предупреждали же вчерашние мужички с ведила: держитесь, говорили, у поворота правого берега, на середину не выскакивайте! Напоминал Владимир Прохорович! Не поверили: что может статься? А вот и случилось.

– Эх, дал бог капитанов, вот обточат нас сейчас Тещины Зубы! – в сердцах вырвалось у Амалицкого. – Это ж прижимное течение! На левый берег несёт. Хорошо, коли камней под водой не будет, выбросит на бечевник или вдоль протащит. Аня, сядь, держись крепче!

И вот уже накрыла сверху густая, тревожная тень от слуды. Ткнулись под одним из её зубьев в бечевник – в обнажившуюся при спаде воды отмель вдоль берега. Лодку развернуло против течения. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Гребцы с большим, чем обычно, усердием, чувствуя за собой вину, соскочили в воду и, ухнув раз и два, вытащили лодку носом на берег. Передышка. Осыпи на бечевнике да и сама полуразрушенная слуда вызвали немалый интерес у Амалицких – нельзя не признать. Тут пока и остановились. Анна посмотрела на вымокших по пояс гребцов сочувственно:

– Ой-ё-ёй, бурлаки на Волге! Разведите костерок, обсушитесь.

Владимир Прохорович только проворчал:

– «То бурлаки идут бечевою...» На то он и бечевник... Ничего, небось, не вверх по реке, на бечеве, лодку тащат, – и, прихватив с собой тот самый молоток с необычно длинной рукоятью, устремился к береговой расщелине.

– Осерчал барин...

Ему же просто не терпелось поближе увидеть очередное сухонское обнажение – не закрытую почвой, наносами, не заросшую травами и деревьями многомиллионную летопись земной тверди.

Оттуда, где в слуде образовалась расщелина, пробился к Сухоне ручей, и, довольный, прыгал с уступа на уступ, разглаживал ступеньки. Они были мокрыми и скользкими – попробуй, по ним поднимись! Но тут и там валялись осколки породы. Потянулся к куску известняка, один миг – перед глазами мелькнул отпечаток... и рассыпался в прах. А ведь только коснулся! Досадовал на собственную неловкость. Прикрыл глаза, пытаясь вспомнить увиденное. Разве представишь! Секунду не хранит память. Да и было ли что? Сколько не искал – более ничего. Да нет, показалось. Отпечатки на камнях, если и попадались, то обманки – свидетельства причудливой, но бессмысленной деятельности земли. Значит, ошибся.

Анна, растирая озябшие на холодном ветру пальцы, пыталась разглядеть сверху мужа, но он быстро исчез из виду. Окликнуть, не услышит – слишком шумит ручей. Вздохнула и стала всматриваться в то, что под ногами. И вот уже порывисто наклонилась, углядев в россыпях на бечевнике разноцветные кремешки.

– Востроглазая, – одобрительно протянул Иван Никитич. Дым ел глаза, а костерок всё ещё не грел. Отсыревшая щепка не хотела разгораться, сухой бересты на берегу не сыщешь. Утренний ветер с реки студён, а барыне всё нипочём. Приподняв подол, семенила она по камням, поглядывая под ноги – так курочка выискивает зернышки среди сора и пыли. Барин был

иным. Она тоненькая и легкая, сейчас взлетит. А он – земной, крепкий и рукастый, с сосредоточенным взглядом, с рассчитанными, выверенными движениями, с каким-то неведомым мужикам, но большим расчётом.

Владимир Прохорович уже спускался – тем же небезопасным маршрутом. Если издали обрушившиеся с кручи деревья казались просто пышными метелками, то в реальности это были сучковатые стволы, загораживающие проход, цепляющиеся за одежду. Ветви рухнувших берёз ещё зеленели, потому что корни подпитывались влагой ручья. Но зелень оказалась не столь красива, сколь опасна: скрывала от глаз мокрые камни, по которым скользила нога. В этой же зелени таились и клещи, и они, как ни старайся, все равно умудрялись пробираться за обшлага рукавов, под воротник.

Вот и получалось – сначала собираешь камни с земли, а потом обираешь клещей. Что делать! Владимир, увидев на себе очередных кровососущих, подал Анне почти не потяжелевшую сумку (значит, ничего интересного – сделала вывод она) и сташил рубашку, чтоб отряхнуть. Шутливо отчитался:

– Клада не нашёл. Не поймал и птицу, зато набрал клещей. Не подходи. Сам.

– А ты ещё и клад ищешь? Вот бы кстати, – смех смехом, но Анна подумала и о житейском, о том, как ежегодные геологические экскурсии³² подрывали их и так-то скромный достаток.

Вострили уши гребцы.

– Да разве его вдруг и без карты найдёшь, – сосредоточившись на своём, Амалицкий ответил рассеянно, и вот уже достал из сумки тетрадь (недавно начатый путевой дневник), искал по карманам карандаш, торопясь записать: «Вострое. Впечатляет: сурово и мощно. Дикие Слуды, – усмехнулся и не поленился уточнить: – Тещины Зубы. Антракозия. А может, все-таки была? Пермский пресноводный моллюск».

– Знаешь, для начала хотя бы карту заполучить, как до этого клада добраться. У геологии какая задача? – Анну удивляло, как в такие минуты у Владимира получалось попутно и говорить. С наблюдательностью художника замечала она по его лицу: совсем другие, очень конкретные, гораздо более трудные вопросы сейчас прорабатывал муж.

– Так вот. У геологии какая задача? – повторил он снова, спокойно и привычно, как в тысячный раз студентам, но, глянув на Анну, сбился, утратил серьезный тон: – Задач-то, конечно, много, а вот составление такой карты для российских геологов, а значит, и для нас с тобой, – обнял жену за плечи, притянул к себе, – дело особенно важное. Справимся?

От поцелуя она увернулась, смущаясь гребцов, причислению же к геологам порадовалась.

– Наши заветные клады – полезные ископаемые. Как бы хотелось с большей точностью определять, где они зарыты! Обязательно нужна карта – та, что поможет, подсказку даст. Геохронологическая карта. Пока её нет, но будет. Труд большой. Многих специалистов труд. Но, верь – не верь, и наш с тобой вклад в этом деле есть. Да ещё добавим. И окаменелости, если найдём, нам в том помогут, – оживился Владимир Прохорович, радуясь, на самом деле, какой-то своей догадке. Что за догадка, Анна понимала: скоро не узнаешь. Эх, послушать бы ещё про карту, а то ведь мужа не сразу разговоришь! Но надо плыть дальше, всё потом. Геохронология... Ощущая незавершенность образования, нет-нет да и вспоминала Анна оставленные Бестужевские курсы и, верно, искала им замену. А замена была достойной – интересы мужа постепенно становились её интересами. Быстро освоил язык и новое слово: шепчешь, а оно катится гладким камешком, как по песку шуршит. Пока довольствовалась профессорская жена лишь собственными познаниями из древнегреческого: гео – земля, хроно – время, лого – слово, учение. Учение о времени земли, о земном времени? Нет, учение о возрасте

³² Экскурсия – здесь в значении «экспедиция» (устар.)

земли! Пожалуй, так. Интересно, правильно ли. Но ответ скоро не получишь. Настоящее речное, сухонское время поглотило обоих...

Озадаченные гребцы перекинулись шепотком:

– Чул³³ про клады-те? Ты, Раша, грамоте обученный, взял бы и глянул, что барин в бумагах марает, – не удержался от соблазна Никитич.

– Да я уж вчерась залезал, – с досадой признался молодой, ни слова не понявший в записях учёного. – Да что там! Одни комары давленные, а буквы, как мошки.

Меж тем день разгуливался веселый. Сухонские селенья приобретали объём, фактуру и цвет, выплывая из плоской картины ночи. Если в жидких сумерках июньской ночи Анна могла разглядеть лишь чёрные силуэты на обрывах – кубики изб под треуголками крыш, то с наступлением утра деревни окрашивались ярко, и не оставалось места ночной одинаковости: на дневном свете оказывалось, что серые избы в меньшинстве, а черных нет и в помине. Зато много новых – недавно поставленных – крепких, светлых, сочащихся янтарной смолой. А на околицах, как грибочки, подрастали срубы, ждали очереди и места на подворьях – когда придёт пора раскатать старый, посеревший от дождей и времени дом. Только в том разность – из какого материала новые избы рубили. Деревня на деревню не походила: бледно-золотистые еловые терема одной заметно отличались от сосновых срубов другой – красноватых с оранжевыми прожилками, словно запечатанными в дереве жгучими лучами утреннего солнца.

В очередных поисках продовольствия пристали у Копылова. Не до кладов, коли есть хочется. Но сегодня везло. Деревенские бабы были жалостливы, даже глызок³⁴ не пожалели – нежнейшего творога! Сокрушались:

³³ *Чуять* – 1. Различать, воспринимать слухом, слышать. 2. Иметь какие-либо сведения, знать (по разговорам, рассказам и т.п.).

³⁴ *Глызки* – (мн. ч.) творог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.